

ӘДЕБИЕТТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1

*С.Д. Абишева¹, С.К. Серикова²

¹Д.ф.н., профессор, Казахский национальный педагогический университет
им. Абая, Казахстан, г. Алматы

²Преподаватель, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: s.abisheva@mail.ru

Адресаты цикла Б. Кенжеева «Послания. Монреаль 1889»

Цикл Б. Кенжеева «Послания. Монреаль 1889» состоит из 12 стихотворений. Они обращены к 12 реальным людям и обладают общностью построения. В каждом послании имеются факты биографии адресатов, из которых можно узнать о том, где и как они живут, чем занимаются. Это люди, близкие Кенжееву по духу, взглядам, поэтому он искренен и ведет с ними откровенный разговор на самые разные темы. Послания имеют широкий интонационный диапазон: от легкой иронии до глубокого лиризма, в них наблюдаются элементы повествовательности и философских размышлений. Послания дают поэту возможность эстетического осмысления таких важных для него понятий, как поэзия и судьба, дружба и творчество, история и родина, человек и мир.

Ключевые слова: послание, цикл, обращение, адресат, сюжетная доминанта.

С. Д. Абишева, С. К. Серикова

Б. Кенжеевтің «Жолдаулар. Монреаль 1889» топтамасындағы адресаттар

Б. Кенжеевтің «Жолдаулар. Монреаль 1889» топтамасы 12 өлеңнен құрылған. Олар шынайы 12 адамға арналған және олардың құрылысы бірдей. Әрбір жолдауда хат алып жатқан адамның өмірбаянынан деректер бар, олардың қайда, қалай тұрып жатқанын, немен айналысатынын білуге болады. Бұл адамдар Кенжеевке рухымен, көзқарасымен жақын, сол себепті ақын шынайылықпен алуан-алуан тақырыптарға ашық сөйлеседі. Жолдаулардың екпіні кең: жеңіл кекесіннен терең сыршылдыққа дейін одан баяндаушылық пен философиялық толғаныстың элементтері байқалады. Жолдаулар ақынға поэзия және тағдыр, достық және шығармашылық, тарих және туған жер, адам және әлем сияқты маңызды ұғымдардың эстетикалық мәнін түсінуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: жолдау, топтама, қаратпа сөз, жолданушы, сюжетті доминант.

S. D. Abisheva, S. K. Serikova

Recipients cycle B. Kenzheev «Message. Montreal 1889»

Cycle B. Kenzheev "Message. Montreal 1889" consists of 12 poems. They turned to the 12 real people and have similar composition. Each letter has biographical facts of recipients, you can find out about where and how they live, what they do. These are the people that are close in spirit to Kenzheev, views, so he is sincere with them and leads a frank discussion on various topics. Epistles have a wide tonal range, from light to deep lyricism of irony, they observed the elements of narrative and philosophical reflections. Epistles give the opportunity to the poet aesthetic interpretation of such important concepts for him, and the fate of both the poetry, friendship and creativity, history and the birthplace of man and the world.

Key words: message, cycle, reference, recipient, subject dominant.

В цикле Кенжеева «Послания. Монреаль 1889» [1] структурно-семантической доминантой является прием адресатности. Обращение к получателю письма проходит через все стихотворные тексты. Б. Кенжеев признается, что «это действительно послания реальным людям» [2]. В основном все они бывшие соотечественники

Кенжеева, известные как поэты и писатели (8 адресатов), друзья (3 человека) и бывшая возлюбленная. Тема творчества и литературы, являясь сквозной, играет важную посредническую роль в отношениях между адресатом и адресантом. Попробуем более подробно рассмотреть, кто эти люди, с которыми поэт желает

поделиться своими мыслями, и как работает механизм поэтического обращения в «Посланиях. Монреаль 1889» Кенжеева. В общей сложности по всему тексту цикла насчитывается более 100 разнообразных обращений, что способствует созданию живого общения между хорошо знакомыми людьми.

Доминантной формой обращения является онимическая. В 10 стихотворениях при обращении к адресатам названы их фамилии: Радашкевич (I), Милославский (IV); имена: Марк (V), Яков (VIII), Рональд (X), Тимур (XI), Александр (XII) или и то, и другое: Михаил Моргулис (III), Дмитрий Александрович Пригов (VII). Личность адресата может быть зашифрована в имени его художественного героя: в послании IX идентификация Саши Соколова осуществляется через имя Палисандра. Только в посланиях II и VI, обращенных к женщинам, соблюдается инкогнито: «подружка» и «друг сердечный». Дешифровать адресатов этих посланий возможно благодаря указанному интервью с Кенжеевым [2].

Во всех 12 посланиях адресат находится в поле зрения адресанта, о чем свидетельствуют обращения в форме личных местоимений («Ты не поклонник прозы, ты / навеки привязан к странной музыке верлибра», «Ты мало изменилась», «Ты, знаю, убежден...», «Ты послужишь верой / и правдою любимой королеве» и др.), обращения с использованием притяжательного местоимения «мой» («товарищ мой», «любезный мой Моргулис», «мой добрый Яков» и др.). Последняя форма обращений часто передается с помощью традиционной формулы «мой + существительное»: «мой друг-прозаик», «моя голубушка», «мой профессор», «друг мой» и др. Нередко в формировании фигуры обращения участвуют глаголы повелительного наклонения: «прощай», «передай», «учти», глаголы во 2-м лице: «поверишь», «знаешь», «прости», «не сердись». Встречаются и вопросительные конструкции: «ты видела занятнейший отрывок / в январском «Русском вестнике» за прошлый / год?», «Ночами / является ли в хижину твою / слепая тень Гомера?».

Количество различных форм обращений в пределах одного послания колеблется от минимальной частотности (4 обращения в XII) до максимальной (15 - в I). Обращение построено таким образом, что нередко способно давать исчерпывающую характеристику адресата. В I послании, посвященном поэту А. Радашкевичу, в обращении указано место его проживания

(«ты, парижский обитатель») и говорится об отношениях с императорским домом Романовых («мой монархист»). Пишущий письмо показывает осведомленность о фактах жизни и биографии своего собеседника: о юности Радашкевича, прошедшей в городе на Неве, его поэзии и его эстетическом статусе в сознании литературной общественности: «Скажу без ложной лести – / ты, человек другой эпохи, знаешь / толк в красоте».

В IV послании героем-адресатом является Милославский: «Мой добрый Милославский, с Рождеством / тебя Христовым». В стихотворении обращение-характеристика и жизненная фактография, тесно переплетаясь, создают единое информационное поле. Оно позволяет узнать, что Милославский – писатель:

...Но, признаться,
скучаю по твоим рассказам, по
пространным, страстным письмам. Где новеллы,
где твой роман заветный? Неужели
тебя, мой друг-прозаик, так смутили
реформы на Руси?

Контекст стихотворения позволяет вычислить не только героев и темы произведений Милославского, но и то, где он жил раньше («я и тогда, чуть обернусь, увижу / твой страшный Харьков – мытарей, блудниц, / разбойников...»), и где он живет в настоящее время («встречаю / твои статьи о храмах, о легендах / Святой земли – а это значит, ты / благополучен – не убит арабом, / не выслан из державы иудейской / верховным раввином»).

Кенжеев предлагает разные вариации сочетания обращений и текстовых характеристик адресата. Например, в V обращения достаточно стереотипны: «Любезный Марк», «Марк», «милый», «Мой славный друг». А вот текстовые характеристики адресата, разбросанные по всему стихотворению, отличаются информационной насыщенностью. Они позволяют составить представление о судьбе и личности Марка Райхлина. Так же, как и адресант, он входит в лагерь «либеральных, / ленивых жизнелюбцев». «Из сонного Торонто», где Марк по воле судьбы работал привратником, «ветер странствий / погнал» его на запад. Адресанта и адресата объединяет память об общей отчизне: «Давно ли в Петербурге, белой ночью, / стояли мы над царственной Невою». Из контекста стихотворения становится понятным, что Райхлин – эмигрант из России, где, занимаясь продажей акций, когда-то «ворочал миллионами».

Он, по мнению пишущего, «не так-то прост», талантлив, «молод и несгибаем». Изображение частностей его семейной жизни (потомство, у которого режутся зубки, и отпрыск, который «растет / молочным братом юного виконта») еще больше подчеркивают частный характер послания. В нем все сосредоточено на личности адресата, для которого пишущий проводит своеобразный психологический тренинг.

Если обращения можно отнести к категории структурно-синтаксических курсивов всех стихотворений цикла, то обязательные сведения об адресатах составляют его смысловой курсив. Уникальность цикла Кенжеева заключается в том, что нередко в них расширены границы поэтического письма за счет активного введения фактографического материала из жизни адресатов, ярким доказательством чему служит V послание – самое частное из всех двенадцати. Показывая свою осведомленность, автор разрушает границы возможного отчуждения, проявляет заинтересованность в судьбе адресата и уважение к нему.

Принцип соотнесенности обращения и текстовой характеристики адресата, их количественный и качественный объем зависят от сюжетной доминанты послания. Такими доминантами могут быть личность адресата, сам адресант, рассуждение о политике, творчестве, жизни, сравнение жизненных укладов, изображение некоего события и т.д. Чаще всего письменное обращение к собеседнику у Кенжеева становится отправной точкой для развития доминантного сюжета. Во II, обращаясь к литературному критику Л. Панн («Привет тебе из северного града, / манхэттенская жительница!»), Кенжеев, сравнивая образ жизни канадских жителей и американских, полон иронии в адрес своей эпистолярной собеседницы. Этой иронией он прикрывает искренние чувства доброты и духовного родства со своим адресатом.

В III послании информация об адресате минимальная. Встречаются 5 стандартных форм обращения, типа «Почтеннейший Моргулис», «друг Михаил», и незначительные оценочные характеристики адресата, имеющие больше эмоциональный оттенок и находящиеся в соответствии с его статусом, связанным с религиозной деятельностью: «ты меня еще не проклял», «Ну, не сердись. Ты, знаю, убежден», «Ну, будь спокоен, милый». Этот минимализм позволяет высвободить текстовое пространство для сюжетной доминанты. Ею стало «событие» (рассказ адресанта о потере им рукописи в

канадском омнибусе), имевшее счастливый конец: потерянная рукопись через две недели была возвращена хозяину.

VI имеет 4 стереотипных обращения, среди которых «моя голубушка», «милая» и т.д. Минимальные сведения о жизни адресата с включенными в них обращениями, состоящими из стандартного набора понятий, звучат откровенно иронично: «Прелестница моя, каков портрет, / какое платье! Прямо, как живая», «Супруг / законный, неизменный? Или дочка?». Хотя автор и пытается скрыть свои чувства за иронией, это ему удается плохо, т.к. сразу же, без перерыва, происходит смена эмоциональных регистров: «Ты мало изменилась, друг сердечный, - / неугомонный, милый, жаркий взгляд / все так же неприкаян». В текстовой характеристике «зима, / та самая, которой так тебе / недостает во Фландрии» соединилось все: тоска по родине, прошлому и грусть о былой любви. В этом послании обращение к адресату становится отправной точкой в развитии развернутой сюжетной доминанты «творчество», возникающей в результате сцепления трех картинок: чтение автором стихов в эмигрантском клубе, изображение моста через «властную реку», где разыгрываются драмы человеческих судеб, и пересказ романа Достоевского «Идиот».

Сюжетной доминантой VII послания является личность Пригова, поэтому обращения имеют ярко выраженный индивидуальный характер («Приветствую тебя, неповторимый / Дмитрий Александрович», «Пригов», «русский гений»). Стихотворение представляет собой панегирик классику русского концептуализма, в создании текста участвует целый арсенал художественных приемов. Высокий образный ряд придает посланию торжественное звучание («символ высшего блаженства», «не возгордись, не подвергай забвенью / своей прискорбной участи», «послом достойным / отечества», «ослепительным восходом / твоей звезды», «волнуйся же в предвосхищенье», «прими благословенье», «Всходи же, не колеблясь, на Олимп»). Изобилие синтаксически клишированных словосочетаний «прилагательное + существительное» также придает посланию особую интонацию: «пленительные строки», «на красочных полотнах», «великому призванью», «в измученной душе», «вдохновенной кисти» и т.д. Имеется группа аналогичных по синтаксической структуре, но антонимических по содержанию словосоче-

таний: «изнеженному зрителю», «при старом / режиме», «злые модернисты», «в развратном Новом Свете», с помощью которых еще сильнее подчеркивается значительность творческой личности Пригова.

Слова, обозначающие творчество и признание, рассыпаны по всему тексту послания: «бенефис», «слава», «холсты», «сонеты», «беспетное перо», «гармонические созвучия», «факел поэзии», «творчество», «муза», «венки лавровый». «Российский гений», «заслужив всемирный сей триумф / трудом, талантом, самоотречением», удостоивается и титула «российского Монтеня». В послании Кенжеев идет по пути расширения онимических рядов, называя рядом с Приговым имена Державина и Рокотова, Лукреция и Тасса, Гоголя. О значимости личности адресата и всемирном его признании свидетельствует и широкая география: Нью-Йорк, «от Караганды до Сан-Франциско», Канада, Новый Свет, Италия, где знают и почитают Пригова. Благодаря фигуре метонимического замещения («родина» и «Олимп») подразумеваются прямо не названные Россия и Греция.

Из послания VIII выясняется, что его адресат – химик по имени Яков: «мой Яков», «мой добрый Яков», «мой мудрый химик», «добрый мой профессор». Сюжетной доминантой становится стилизованный в поэтических традициях конца XIX века разговор об особенностях жизни в конце XX века в России и Канаде. Если Россия только проснулась от тирании, то бедная Канада поражена «жесточкой болезнью», новой чумой, которая напоминает о Страшном суде. И надежда на избавление от нее возложена автором письма на адресата:

... А ты,
мой мудрый химик, преданный до страсти
естествоиспытательству, ночами
беззвездными у вытяжного шкафа
мешаешь белый фосфор с мышьяком,
с толченой костью, с серным ангидридом
и ставишь перегонный куб голландский
на масляную баню, наблюдая
за чередой чудесных превращений,
сулящих избавление от заморской
чумы...

Как заклинание звучит в тексте восьмикратное обращение к Якову-избавителю. А изображение таинства химических опытов похоже на звучание завораживающей музыки: в этом заключается дань Кенжеева своему профессиональному прошлому, так как он, выпускник

химического факультета МГУ, о химии знает не понаслышке.

Прием игры является определяющим в послании IX, обращенном к собрату по перу – Саше Соколову. Имя Палисандр, по которому пишущий обращается к адресату, служит загадкой его личности, т.к. Палисандр Дальберг – герой, автор воспоминаний в романе Соколова «Палисандрия».

В судьбе Палисандра-Соколова важны топонимические знаки. Это картина благословенной Греции, с её приметам быта (сыр овечий, пастушеская лепёшка, двуручная амфора) и древней истории и культуры (слепая тень Гомера, храм Артемиды, юная Европа). «Счастливая Эллада» – топоним, олицетворяющий благополучную жизнь адресата. Но так было не всегда. Поэт проследживает путь скитаний своего эпистолярного собеседника: «уже пятнадцать лет, / как из славянских сумрачных пределов / вернулся ты в Канаду, на свою / заснеженную родину». (Писатель Саша Соколов, действительно, родился в Оттаве, в семье советского дипломата). Затем была негостеприимная Америка, откуда «пароход ревущий» увлек его в «желанную Элладу». Но так же, как и для героя его романа, ключевым топонимом в судьбе Соколова является Россия.

Риторические вопросы и восклицания переполняют следующий эмоциональный пассаж, призывающий адресата вернуться на родину. Понятие «Отчизна» двойится в сознании читателя: с одной стороны, для русского писателя это, безусловно, Россия. С другой – биографический факт рождения адресата в Канаде позволяет Кенжееву увлекать читателя игрой топографических примет:

... Неужто ты навеки
отверг дары отечества – лапту,
коньки острозаточенные, скачки,
хоккейные баталии?..

И лишь упоминание каноэ и озера Святого Иоанна позволяет понять, что речь идет всё-таки не о России, а о Канаде.

Послание X композиционно распадается на две части, в каждой из которых выстраивается особый сюжет. В первой автор письма гипотетически воссоздает картины жизни своего адресата – издателя-труженика и просветителя. Если учесть, что адресат – редактор легендарного издательства «Ардис», становятся понятны юмористические, но и наполненные современными смыслами архаические детали издательского дела: «стоишь в сыром подвале за

машиной / печатною, то у наборной кассы / сгибаешься». Во второй части послания разворачивается жизненный сюжет адресанта – поездка с семьей к морю, отпуск на юге, курортные впечатления, среди которых – Микки-Маус, уподобленный языческому богу туземцев.

Через всё письмо проходит тема спиртного, которая объединяла собеседников в прошлом («ночные наши буйные пиры»), но отныне стала для адресанта запретной: «я сумел расстаться / с грехом своим». В финале послания в один ряд «словесности старинной» объединяются имена Битова, Цветкова и Жуковского. Так из общей негативной оценки «захиревшей» ныне русской литературы исключаются писатели, которым автор отдает предпочтение. Послание пронизано медитативной, элегической интонацией, не исключаяющей, однако, шуточного или ироничного тона, переходящего порой в сарказм. Жанр дружеского послания относится к неканоническим жанрам, поэтому для одновременной передачи высокого и бытового смыслов, серьезных и ироничных интонаций для него свойственна языковая свобода, о чем свидетельствуют все двенадцать «Посланий. Монреаль 1889».

Определяя своего собеседника в послании XI, поэт Тимура Кибирова оксюмороном «печальный пересмешник», Кенжеев, может быть, невольно, характеризует и свою собственную позицию. Опыт обретенного опыта, житейского и творческого, приводит поэта к выводу, имеющему этическую и эстетическую ценность: «Гармония, Тимур, / вещь редкая и дорогая».

В основе послания – лирическое повествование об образе жизни автора, о его творческих сомнениях, а может быть даже – кризисе. Адресат так же, как и адресант, «инородец», которому должны быть вполне понятны и близки раздумья пишущего письмо о красоте и сверхчеловеческой силе русского языка: «И гибок он, и жарок. Как больная / красавица, и мясом человечьим / питается, и ненавистью так / пропитан, что опасно прикоснуться / к его шипящим звукам». Доверительная интонация объясняется тем, что адресат послания – соратник по цеху, единомышленник, разделяющий не только эстетические, но и политические взгляды своего собеседника. Поэтому тема творчества плавно переходит в описание ситуации в мире: Петербург, Америка, Европа, Канада как будто выстраиваются в обзорную панораму, свидетельствующую о том, что лирический герой посланий живёт в гуще мировых событий.

Завершает разговор с другом-стихотворцем вновь тема поэзии. Добровольный изгнанник «с февральской почтой» получает новую поэму своего адресата, изданную за границей. Его восхищенная оценка имеет оттенок если не двусмысленности, то амбивалентности:

...и восхитился я
нежданной этой музыкой – алмазом
по зеркалу кривому, по стакану
трактирному, по небу голубому...

«алмазом по зеркалу» - не то же ли, что – «железом по стеклу»?

Адресатом последнего, XII, послания является друг и соратник Кенжеева по «Московскому времени» Александр Сопровский. Если не знать комментариев самого Кенжеева по поводу реальных адресатов, то достаточно сложно утверждать, что послание адресовано именно Сопровскому. Обращение к адресату и само его присутствие максимально минимизировано (4 обращения) и крайне обобщенно. Юность и Кенжеева, и Сопровского проходила в московском пространстве, которое стало органической частью их поэзии:

Вот и весна, историк, искушенный
в искусстве красноречия, ночной
побежке звезд над старым переулком
и хрусте льда под сквозняком апрельским.

Но «историком красноречия» может быть и любой другой поэт, чья судьба связана с Москвой. В частности, им может быть и Пушкин, личность которого присутствует в послании повсеместно и которого Кенжеев называет «славным соименником» Сопровского:

... Поэт,
Чуть улыбаясь, смотрит с постамента
чугунного... а глупые студенты,
хихикая, перевирают строки
про милость к падшим...

В тексте послания наблюдаются аллюзии в виде контаминаций из пушкинских слов и образов: «иные лихие корабельщики» («Сказка о царе Салтане»), «Поют / они и плачут» («Бесы»); образного ряда, перекликающегося с его «Арионом». Даже единственное обращение-оним: «А каковы / литовцы и чухонцы, Александр!» - создает двойственное ощущение, вызывая вновь в памяти Пушкина. Ведь литовцы и чухонцы – это знаки пушкинской поэзии: «юные литовцы» («Сто лет минуло, как тевтон...») и «Приют убого чухонца» («Медный всадник»). Встречается и сходная внутренняя модель ситуации с трагедией «Борис Годунов», но только с перевернутой оценочностью. Ср. у Кенжеева:

... Поди, попробуй –
на улицы Москвы толпа такая
немедля хлынет – с дрекольем, с булыжным
оружием, чтобы защитить любимца
народного, мятежного Бориса.

Подобная интерпретация возможна благодаря концептуальным метатропам, представляющим собой обратимые цепочки «ситуация – образ – слово». В этом случае «пересекаются все нити памяти и создается «креативная память», которая обеспечивает перевод из одного «возможного мира» мысли и языка в другой и, следовательно, генерирует механизм рождения все новых «возможных миров» из одних и тех же мировоззренческих источников» [3, 64].

В послании предстает особый вид адресата – «мерцающего адресата» (по аналогии с термином Ю.Н. Тынянова «мерцающие смыслы»). Кенжеев сознательно выбирает такого реципиента, который выступает в качестве некоего символа, соединяя в себе переломные эпохи, судьбы, поэзию двух Александров, Пушкина и Сопровского. В этом случае не столь значительную роль играют факты биографии адресата, как важна принадлежность его к чуду поэтического слова, к миру высокой духовности и благородства. Оба лика адресата-Александра объединены любовью к России.

Изображенная в послании весна в природе совпадает с общественным возрождением эпохи перестройки, а в самом адресанте порождает состояние перед «распутьем»: «Не спрашивай, зачем я не сажусь / на пароход...». Его отношение к весне сродни пушкинскому неприятию ее. В результате общения с адресатом последнего послания в голосе автора звучит грусть. Это грусть об ушедшей молодости, тоска по родине и прощание с ней. Печальное настроение еще сильнее подчеркивается эмоциональной динамикой образа чаек на ветру, который композиционно обрамляет весь цикл, появляясь в I (на фоне Невы) и в последнем (канадские водные реалии) посланиях. Ср.:

I	XII
... но прекрасен	... а ветер
залив ноябрьский –	подхватывает чаек,
редкий белый парус	уходящих
и чайки на	с недобрый криком в
пронзительном	ветреную высь...
ветру...	

В «Посланиях. Монреаль 1889» предлагаемая концепция адресатов, являясь результатом опыта общения поэта с конкретными людьми, дает возможность эстетического осмысления таких важных онтологических проблем, как поэзия и судьба, дружба и творчество, история и родина, человек и мир.

Литература

- 1 Кенжеев Б. Послания. – Алматы, 2004.
- 2 Бельх А. «Уховертка под божьим камнем: Диалоги с Б. Кенжеевым» // <http://www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html>
- 3 Фатеева Н. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007.

References

- 1 Kenzheev B. Poslaniya. – Almaty, 2004.
- 2 Belyh A. «Uhovertka pod bozh'im kamnem: Dialogi s B. Kenzheevym» // <http://www.netslova.ru/belyh/kenzheev.html>
- 3 Fateeva N. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. – M., 2007.